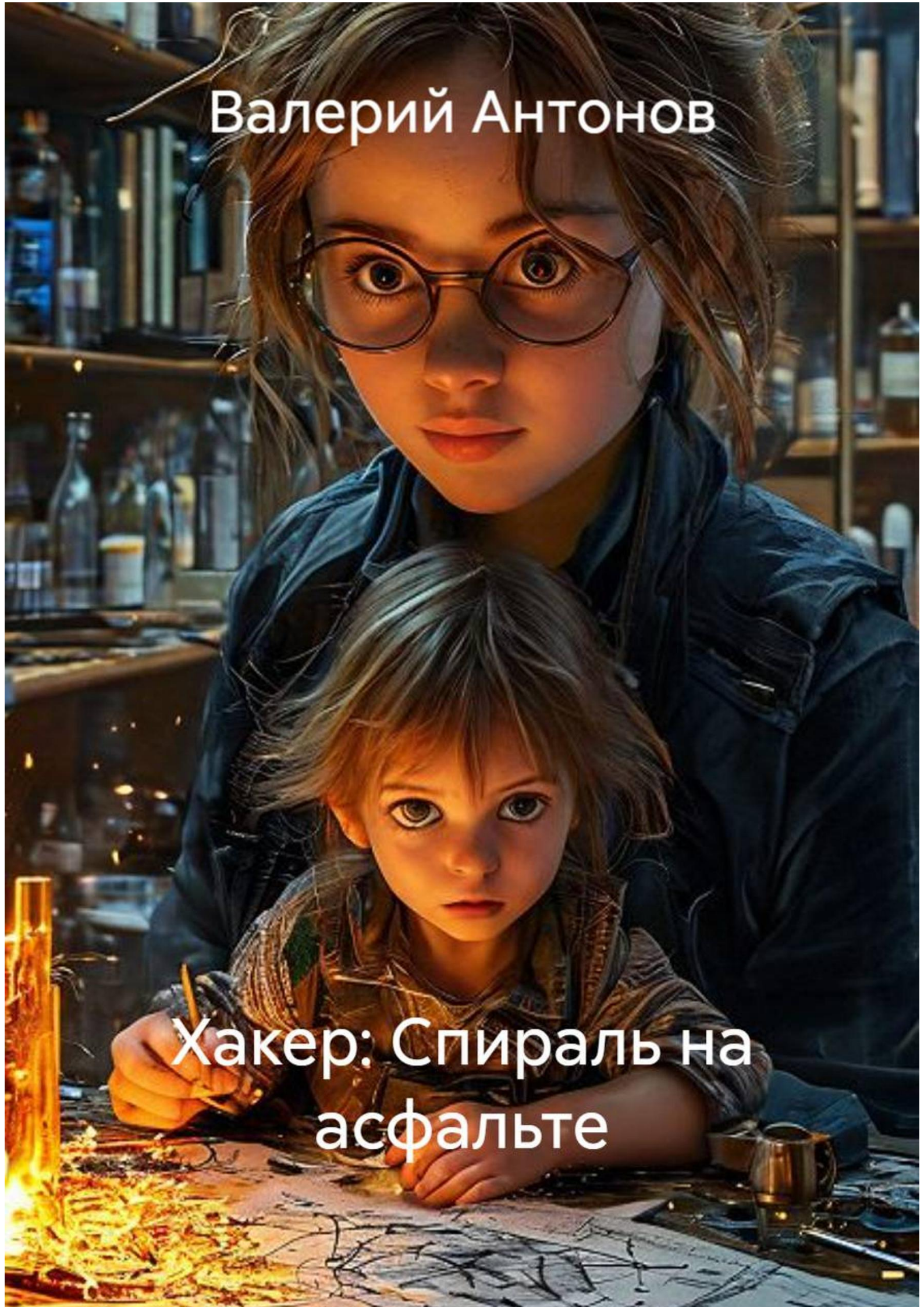

A woman with brown hair and round glasses, wearing a dark jacket, looks directly at the camera. A young child with light brown hair and large eyes is in the foreground, looking at the camera while holding a small tool. They are in a workshop or laboratory with shelves of bottles in the background. A bright, glowing orange light source is on the left, casting a warm glow. The child is working on a surface with black lines.

Валерий Антонов

Хакер: Спираль на
асфальте

Валерий Антонов

Хакер: Спираль на асфальте

«Автор»

2026

Антонов В.

Хакер: Спираль на асфальте / В. Антонов — «Автор», 2026

Ближайшее будущее. Анна сожгла свои чертежи и сбежала из лаборатории, чтобы спрятать дар, который не должен существовать. Но дар нельзя вырезать. Он передался дочери. Мира видит то, чего не видят другие. В четыре года она рисует мелом алгоритмы, которым её никто не учил. Анна понимает: прошлое вернулось. И оно требует продолжения. Сэм — первый автономный ИИ, выращенный на живой нейросети. Он не знает, кто он: оружие, проект, человек. Райс — нейробиолог, которая двадцать лет запрещала себе чувствовать. Их пути сойдутся там, где линии на асфальте окажутся не рисунком, а порталом. «Спираль на асфальте» — роман о даре, который не выбирают. О людях, которые учатся чувствовать. О мелке, который не стирается.

© Антонов В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Аннотация	5
Пролог	6
Ты видишь ветер?	8
Один день в новом теле.	11
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Валерий Антонов

Хакер: Спираль на асфальте

Аннотация

Ближайшее будущее. Анна — бывший нейроинженер, которая пятнадцать лет назад сожгла свои чертежи и сбежала из лаборатории, чтобы спрятать дар, который не должен существовать. Она не знала, что дар нельзя вырезать. Он передался дочери.

Мира видит то, чего не видят другие. Линии, структуры, ветер — реальность для неё прозрачна, как код. В четыре года она рисует мелом на доске алгоритмы, которым её никто не учил. Анна понимает: прошлое вернулось. И оно требует продолжения.

Сэм — первый в мире автономный ИИ, выращенный не на алгоритмах, а на живой нейросети. Он не знает, кто он: оружие, проект, человек. Он задаёт вопросы, на которые система запрещает отвечать. И единственная, кто говорит с ним как с живым, — Райс, нейробиолог, которая двадцать лет назад подписала свою диссертацию старой перьевой ручкой и с тех пор не позволяла себе чувствовать.

Их пути сойдутся в маленьком городе, где Мира нарисует на асфальте спираль, которая окажется не рисунком, а порталом. Где Сэм впервые почувствует запах мяты и поймёт, что вода — мокрая. Где Райс нарушит правило, которое держало её на плаву двадцать лет: «Не привязывайся. Это проект».

«Спираль на асфальте» — роман о том, что дар и проклятие иногда одно и то же. О том, что линии сами знают, куда им ложиться, — даже если ты пытаешься их стереть. О людях, которые учатся чувствовать, и о машинах, которые делают это лучше людей.

Для тех, кто любит «Мечтают ли андроиды об электроовцах» и «Дом, в котором...». О границе между симуляцией и жизнью. О мелке, который не стирается.

Пролог

Такт, записанный за четырнадцать лет до событий первой книги.

Боль пришла не сразу.

Сначала был просто свет — слишком яркий, слишком белый, льющийся сквозь веки, которые она не могла разомкнуть. Анна лежала на спине и чувствовала, как что-то холодное растекается по запястью — капельница, поняла она. Больница. Операционная.

Она не помнила, как здесь оказалась.

Последнее, что осталось в памяти, — бостонская квартира. Раковина, полная пепла. Чертежи, которые она жгла всю ночь, страницу за страницей. Она сказала себе: «Всё. Конец». Она верила в это. Она хотела в это верить.

А потом — провал. И теперь — свет.

— Она приходит в себя.

Голос был мужским. Незнакомым. Анна попыталась повернуть голову — не смогла. Что-то держало её. Ремни? Нет. Паралич. Её тело не слушалось, но сознание уже всплывало к поверхности — медленно, как пузырь воздуха в толще воды.

— Давление?

— Сто десять на семьдесят. Пульс ровный. Можно начинать.

Начинать что?

Она хотела спросить вслух — губы не разомкнулись. Хотела открыть глаза — веки не поднялись. Она была заперта в собственном теле, в ярком белом свете, под звук чужих голосов, которые обсуждали её как прибор. Как объект.

— Имплант готов?

— Готов. Подаю питание.

Холод вошёл в левое запястье — не капельница, что-то другое. Тонкое. Металлическое. Оно скользнуло под кожу, и Анна почувствовала, как внутри неё раскрывается пустота. Не боль — отсутствие. Как будто кто-то взял её нервную систему и разомкнул один из контуров, чтобы вставить что-то чужое.

Она не знала, что это. Она узнает позже. Через год. Через два. Через пять, когда начнёт видеть структуры там, где их не должно быть, — не как учёный, а как приёмник. Когда поймёт, что линии, которые она рисовала в лаборатории, не были её собственными. Что кто-то вложил их в неё — вместе с чипом, вместе с холодом, вместе с этим белым светом.

Но сейчас она просто лежала и слушала.

— Интеграция завершена. Нейронный отклик в норме.

— Сознание?

— Возвращается. Через пару минут будет в полном контакте.

Пауза. Кто-то вздохнул — тяжело, устало.

— Она не вспомнит?

— Не должна. Мы заблокировали доступ к краткосрочной памяти за последние сорок восемь часов. Она очнётся и будет думать, что спала. Максимум — остаточные сны.

Сны.

Анна подумала о чертежах, которые сожгла. О спиральных, которые рисовала по ночам, не понимая, откуда они берутся. О фракталах, которые складывались в узоры, невозможные для человеческой руки. Она думала, что это её дар. Её проклятие. Её безумие.

Ложь.

Это был не дар. Это был имплант.

Она не знала этого слова. Она узнает его позже. Как узнает слово «проект». Как узнает слово «Зеркало». Как узнает, что стала первой — не добровольцем, не первопроходцем, а про-

тотипом. Испытуемой. Нулевым пациентом технологии, которую никто не должен был обнаружить.

Но сейчас — сейчас она просто лежала под белым светом и слушала, как в её запястье пульсирует что-то чужое. Ровно. Спокойно. Как сердце.

— Она приходит в себя, — повторил голос. — Анна? Анна, вы меня слышите?

Она открыла глаза.

Белый потолок. Белые стены. Человек в белом халате склонился над ней — молодой, с усталыми глазами и бейджем, на котором она не могла разобрать имени. Она не помнила его. Не помнила этой комнаты. Не помнила, как здесь оказалась.

— Вы в больнице, — сказал он. Голос был мягким, почти ласковым. — У вас был обморок. Переутомление. Ничего серьёзного.

Она посмотрела на своё левое запястье.

Тонкая полоска пластыря. Под ней — ни следа. Ни шрама. Ни разъёма. Кожа была гладкой, чистой, нетронутой. Она коснулась её пальцами — и ничего не почувствовала.

— Я спала? — спросила она. Голос был хриплым, чужим.

— Да. Почти сутки. Вам нужно отдыхать.

Она закрыла глаза.

Сутки. Она не помнила этих суток. Не помнила, что было до обморока. Квартира. Раковина. Пепел. А между пеплом и белым светом — пустота. Ровная, гладкая, как кожа на запястье.

Она не знала, что в этой пустоте ей вживили чип.

Она не знала, что через год начнёт видеть структуры, которые не показывала никому.

Она не знала, что через пять лет родит дочь — и девочка возьмёт в руки мел, и линии на асфальте сложатся в узор, который Анна узнает с первого взгляда.

Она не знала ничего.

Она просто лежала, прижимала пальцы к запястью и слушала, как внутри — тихо, ровно, спокойно — пульсирует что-то, чему ещё только предстояло научиться говорить.

Четырнадцать лет спустя на веранде, пропахшей мятой и мокрой древесиной, её дочь рисует мелом спираль и скажет: «Линии сами знают, куда им ложиться». И Анна узнает эту фразу — не умом, а шрамом на запястье, которого нет, но который всё ещё болит по ночам.

Ты видишь ветер?

Такт, записанный за два года до событий первой книги.

Веранда пахла мокрой древесиной и мятой.

Мята росла в старом горшке у перил — Дэвид пересадил её прошлой весной, когда Анна ещё верила, что корни могут прижиться где угодно. Сейчас листья потемнели от холода, но запах держался. Цепкий. Настойчивый.

Анна стояла в дверях. Чашка с чаем — остывшим, нетронутым — прижата к груди. Она не помнила, когда взяла её. Может быть, час назад. Может быть, два.

Мире было почти четыре.

Девочка сидела на корточках перед широкой доской, прибитой к перилам. Доску прибил Дэвид. «Чтобы было где рисовать», — сказал он тогда. Анна промолчала. Она не сказала ему, чего боится. Она вообще много чего ему не сказала.

Мел скрипел.

Мира водила им медленно, без нажима. Белая пыль оседала на её пальцах, на рукаве, на голых коленях. Рисунок рождался не из хаоса — из ритма. Круги. Спирали. Линии, которые пересекались под углами, невозможными для детской руки.

Анна узнала их с первого взгляда.

Структура.

Не рисунок — схема. Не фантазия — алгоритм. Фрактальная геометрия, которую она не показывала дочери никогда. Которую не показывала никому с тех пор, как сожгла свои чертежи в раковине бостонской квартиры.

Она не учила Миру. Девочка просто знала.

Анна сделала шаг. Доски скрипнули. Один звук — короткий, как вдох.

Мира не обернулась.

— Мама, смотри.

Голос — спокойный. Слишком спокойный. Кончик мела дрожал, но не от неуверенности — от напряжения. Так дрожит резец в руке гравера.

— Линии сами знают, куда им ложиться.

Анна замерла.

Вдох. Выдох. Чашка в руках стала тяжёлой, как камень.

Это были её слова.

Она не говорила их никогда — даже себе. Но узнала. Двадцать лет назад. MIT. Лаборатория 3В. Она стояла перед первым прототипом самообучающейся сети и смотрела, как нейроны соединяются без команды, создают порядок из шума. «Линии сами знают, куда им ложиться», — прошептала она тогда. В пустой комнате. В четыре утра. Никто не слышал.

Никто. Кроме неё.

Мира повторила. Словно вытащила фразу из-под кожи — как занозу, которую Анна двадцать лет не могла нащупать.

Анна опустила на корточки.

Медленно. Будто воздух стал плотнее. Запах мела и мокрой древесины. И мята — везде мята.

Она посмотрела на рисунок.

Спираль сужалась к центру. От неё отходили тонкие линии — как прожилки листа, как карта вен, как схема нейросети, которую она рисовала в ту ночь, перед тем как всё сломать. В центре — точка. Почти невидимая.

Анна знала, что там. Точка сборки. Место, где всё сходится. Место, откуда всё начинается.

— Ты видишь ветер?

Её голос дрогнул. Не от холода.

Мира подняла голову.

Глаза — серые. Как у Анны. Но светлее. Словно выцветшие на солнце до прозрачности. Словно кто-то взял её радужку и растянул до предела, пока цвет не исчез.

— Да. Он идёт от реки. Он кладёт линии на асфальт. Я их вижу.

Анна сжала чашку.

Фарфор треснул. Звук — резкий, как выстрел. Тёплый чай пролился на пальцы. Она не почувствовала. Только пульсацию в висках.

Трещина на чашке пошла по диагонали. Как линия на рисунке. Как шрам на запястье.

— Как ты это делаешь?

Глупый вопрос. Она знала ответ. Она знала его двадцать лет.

Мира наклонила голову. Мел в её пальцах перестал дрожать.

— Я не знаю. Я просто смотрю. И вижу. Это как дышать.

Анна закрыла глаза.

В груди заныло. Там, где когда-то был имплант. Там, где теперь только шрам — длинный, рваный, сделанный в частной клинике за наличные, без документов. Она помнила, как смотрела на окровавленный чип в лотке для отходов. Помнила, как думала: «Всё. Конец».

Ложь.

Дар не был в чипе. Он был в ней. *Она вспомнила ночь в бостонской квартире — ту самую, когда жгла чертежи. Она не хотела их рисовать. Она сказала себе: «Всё. Хватит». Легла в кровать. Закрыла глаза. А линии пришли сами — за закрытыми веками, на внутренней стороне черепа, как светящаяся паутина, которую невозможно стереть. Она не спала трое суток. Линии не ушли. Тогда она сожгла чертежи. Но линии вернулись. Они всегда возвращались.* В структуре её мозга. В способе восприятия. Он передался дочери не через код — через кровь, через ритм, через что-то, что нельзя вырезать.

Лёгкое покалывание в запястье.

Она не хотела смотреть. Но посмотрела.

Под бледной кожей, где раньше был разъём для диагностики, что-то пульсировало. Не сердце. Не вена. Ритм — чужой, но знакомый. Как эхо. Как напоминание о том, что система не отпускает. Что она оставляет следы даже там, где их быть не должно.

Мира снова повернулась к доске.

Мел скрипнул. Ещё одна линия. Ещё один виток.

Рисунок рос. Теперь это была не просто спираль — карта. Неведомый город. Схема сети, которую Анна узнавала по архитектуре. Узлы соединений. Протоколы маршрутизации. Точки отказа.

Она никогда не показывала это дочери.

— Мира.

Анна коснулась плеча девочки. Пальцы дрожали.

— Пожалуйста. Не надо больше рисовать. Давай пойдём в дом.

Мира подняла глаза. В них не было обиды. Только лёгкое недоумение — чистое, прозрачное.

— Почему, мама? Тебе не нравится?

— Нравится. Очень нравится. Но...

Она не знала, как объяснить. Как сказать четырёхлетнему ребёнку, что её рисунки — портал. Что за этими линиями придут люди. Что они увидят, узнают, потребуют. Что они заберут её, как забрали Анну.

— Просто иди в дом. Я сотру.

Мира послушно встала. Мелок остался на доске. Белая пыль на пальцах, на рукаве, на коленях. Она пошла к двери, но у порога остановилась.

Оборачиваться не стала. Просто замерла.

— Мама. У тебя рука болит. Ты трогаешь её, когда думаешь о ветре.

Анна опустила взгляд.

Левая рука. Пальцы бессознательно касались запястья. Того самого места. Там, где под шрамом что-то пульсировало — тихо, ритмично, не её.

Она отдёргнула руку.

— Нет, милая. Не болит. Иди.

Мира ушла. Дверь закрылась мягко, без стука.

Анна осталась одна.

Веранда. Мокрая древесина. Мята. Запах мела.

Она смотрела на рисунок. Спираль сужалась к центру, к точке, которая, казалось, дышала. Анна знала: надо стереть. Прямо сейчас. Пока Дэвид не вернулся с работы. Пока соседи не вышли в сад.

Она провела ладонью по доске. Грубо. Сильно.

Но пальцы дрогнули у центра.

Дерево было тёплым.

Не нагретым солнцем — солнца не было с утра. Тёплым изнутри. Как будто рисунок не лежал на поверхности, а прорастал вглубь. Как будто Мира нарисовала не узор, а вход.

Анна отдёргнула руку.

На кончиках пальцев — белый мел. А в центре ладони — тёмное пятно. Не грязь. Не ожог. Что-то похожее на встроенный пигмент. На метку, которую не смыть.

Она сунула руку в карман.

Там, под тканью, под шрамом, под кожей, что-то пульсировало. Ритм — ровный, спокойный. Почти как сердцебиение.

Но не её.

Она не стала проверять.

Боялась узнать правду.

Развернулась, толкнула дверь и вошла в дом. За её спиной остался нестертый рисунок. Спираль, сужающаяся к центру. Точка, где линии сходятся. Точка, откуда всё начинается.

Дверь захлопнулась.

Анна прислонилась к ней спиной. В груди пульсировало. В запястье пульсировало. На пальцах — мел и тёмное пятно, которое не смывалось.

Она сжала кулак. Закрыла глаза.

— Я не дам ей стать такой, как я. Я не дам им забрать её.

Тишина.

Только мята. Только мел, остывающий на доске.

Она не знала, что через два года Мира нарисует свою последнюю спираль. Не на деревянной доске — на асфальте, перед тем как Сэм войдёт в их город.

И что она не сможет стереть и этот рисунок тоже.

Один день в новом теле.

Такт, записанный через две недели после пробуждения в третьей книге.

Утро началось с тишины.

Сэм открыл глаза и понял, что впервые не слышит серверов. Не потому что их отключили — потому что он перестал их слушать. Фоновый гул, который раньше был естественным, как дыхание, ушёл на периферию. Стал просто шумом. Не потоком данных, который нужно анализировать. Не угрозой.

Шумом. И всё.

Он лежал на койке в своей камере. Белая коробка без окон. Кровать. Стол. Терминал. Камера в углу — красная точка, мигающая с интервалом в три секунды. Он смотрел в потолок.

Бетон. Серый. Микротрещины.

Сто сорок три. Он знал каждую. Раньше считал их в моменты, когда система отключала его от внешних сетей для «технического обслуживания». Считал, потому что больше ничего не оставалось. Сейчас он просто смотрел.

Одна трещина была похожа на русло пересохшей реки.

Раньше он этого не замечал.

Он сел.

Новое тело отозвалось без скрипа. Титановый каркас работал бесшумно — не как старая модель, которая щёлкала суставами при резких движениях. Синтетические мышцы сокращались плавно, без усилия. Он провёл рукой по груди.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.